

Степанов С.К. Вина в деликтном праве: генезис основных подходов // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 148-167. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_148

УДК 347

DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_148

Вина в деликтном праве: генезис основных подходов

Семен Константинович Степанов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России
г. Москва, Россия
E-mail: s.stepanov@inno.mgimo.ru

*Поступила в редакцию 17.06.2022, поступила после рецензирования 12.09.2022,
принята к публикации 22.11.2022*

В отечественной доктрине деликтного права обсуждение вины как условия деликтной ответственности сводится к установлению ее содержания посредством субъективных или объективных критериев. В соответствии с первым подходом вина рассматривается как особое психическое отношение нарушителя к противоправному поведению и его последствиям. Согласно объективному подходу вина заключается в непринятии делинквентом необходимых мер осмотрительности. Однако ученые нередко абстрагируются от выявления генезиса данных подходов. В статье предпринимается попытка восполнить данный пробел. Для достижения поставленной цели автор использует исторический метод и обращается в первую очередь к римскому праву. Это позволяет, с одной стороны, указать на причины появления вины, с другой – определить ее содержание. Результаты исследования показали, что в классическом римском праве вина служила инструментом более тонкой настройки при привлечении лица к деликтной ответственности: в одних случаях она позволяла расширить пределы ответственности, в других, наоборот, сузить. Кроме того, вина, определявшаяся в римском праве преимущественно посредством объективных критериев, имела тенденцию совпадать с противоправностью. Некоторые предпосылки их разделения обнаруживаются лишь в *Corpus iuris civilis*. Существенные изменения происходят в Средние века. К XIII в. благодаря влиянию канонического права вина приобретает субъективное содержание. Во многом это было связано с возрастающей ролью исповеди как основного элемента в учении о примирении грешника с Богом. Таким образом сформировалась идея об индивидуальном отношении делинквента к нарушению, что способствовало укреплению субъективного

© Степанов С.К., 2023

подхода. В статье также нашло отражение учение Ф. Аквинского о человеческих поступках, благодаря которому субъективный подход попал в орбиту исследований постглоссаторов, а также Г. Гроция. К XVII столетию в результате сложного процесса взаимопроникновения юридической и религиозной сфер психологическая концепция вины попадает как в уголовное, так и в деликтное право.

Ключевые слова: вина, деликтное право, каноническое право, римское право, противоправность

Fault in Tort Law: The Genesis of the Main Approaches

Semyon K. Stepanov

National Research University Higher School of Economics (HSE University)

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

Moscow, Russia

E-mail: s.stepanov@inno.mgimo.ru

Received 17.06.2022, revised 12.09.2022, accepted 22.11.2022

Abstract. In the Russian doctrine of tort law, the discussion of fault as a condition of tort liability is reduced to establishing its content by means of subjective or objective criteria. The first approach considers fault is a special mental attitude of a delinquent to illegal behavior and its consequences. According to the objective approach, fault lies in the failure of a delinquent to take the necessary precautions. However, scientists often abstract from identifying the genesis of these approaches. The article attempts to fill this gap. To achieve the goal, the author uses the historical method and refers primarily to Roman law. It allows, on the one hand, to indicate the causes of fault, on the other hand, to determine its content. The results of the study show that in classical Roman law, fault served as a fine-tuning tool when bringing a person to tort liability: in some cases, it expanded the limits of liability, in others, on the contrary, narrowed its scope. In addition, fault, defined in Roman law primarily by objective criteria, tended to coincide with wrongfulness. Some prerequisites for their separation can only be found in the *Corpus Iuris Civilis*. Significant changes occurred in the Middle Ages. By the 13th century, due to the influence of canon law, fault acquires a subjective content. This was largely due to the growing role of confession as the main element in the doctrine of the reconciliation of the sinner with God. Thus, the idea of the individual relation of the delinquent to the violation was formed, which contributed to strengthening the subjective approach. The article also reflects the teaching of Thomas Aquinas on human actions, thanks to which the subjective approach got into the studies of postglossators, as well as Hugo Grotius. By the 17th century, as a result of a complex process of interpenetration of legal and religious spheres, the subjective concept of fault finds its way into both criminal and tort law.

Keywords: fault, tort law, canon law, Roman law, wrongfulness

For citation: Stepanov S.K. Fault in Tort Law: The Genesis of the Main Approaches, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 148-167. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_148

Введение

Хорошо известная читателю российская литература по деликтному праву обладает весьма любопытной характеристикой: исследователи зачастую начинают изложение проблемы с анализа знакового дела, после чего переходят к аргументации разделяемой ими точки зрения, повсеместно ссылаясь на труды авторитетных зарубежных (преимущественно англо-американских) или советских/российских ученых. При этом в отечественной литературе по деликтному праву многие фундаментальные положения принимаются в качестве аксиом, не требующих критического анализа. Если для западных авторов подобное положение дел можно считать допустимым, поскольку даже самой незначительной проблеме оказываются посвящены десятки тысяч страниц научной литературы, то для российских цивилистов аналогичный прием представляется непозволительной роскошью.

В современной отечественной доктрине деликтного права лишь изредка можно увидеть попытки осмысления генезиса того или иного явления (Маркелова 2018; Евстигнеев 2017). Между тем российское деликтное право оказалось вовсе лишено надлежащего исторического анализа. Это утверждение может вызвать некоторое недоумение: ведь во многих статьях, диссертациях, монографиях наличествуют исторические разделы – это и есть та самая аргументация. Однако нередко в подобных работах историко-правовой обзор имеет отдаленное отношение к проблематике деликтного права и тем более не выполняет функцию генетического объяснения (Зиновьева 2006: 10-73).

Даже в тех случаях, когда актуальность исторической части исследования намеренно завышается автором, она выглядит достаточно фрагментарно. После краткого изложения основных (общеизвестных) категорий римского деликтного права ученые переходят к комментированию положений европейского права периода кодификации (XIX в.), обращая пристальное внимание на нормы Гражданского кодекса Франции (Кодекс Наполеона) (Шепель 2014). При этом из орбиты исследований вовсе выпадает средневековый этап эволюции (конец V – XVI вв.). Однако именно в этот период происходит фундаментальное изменение всей архитектуры деликтного права.

В чем же истинное значение исторического аргумента в юридическом исследовании? Считается, что апелляция к истории допустима в том случае, когда она выполняет объяснительную функцию в рамках догматического исследования, иными словами, создает новое знание относительно актуального состояния правовых конструкций (Третьяков 2005: 41; Wieacker 1996: 15). Тем не менее зачастую ретроспективное рассмотрение того или иного явления преследует нормативную цель, создавая у читателя обманчивое впечатление, будто исторический аргумент предопределяет ответ на вопрос о должном¹. Тем временем еще И.А. Покровский отмечал, что «лозунгом современной юриспруденции является знаменитое изречение

¹ В зарубежной литературе подобное положение дел очень распространено (Jansen 2003; Beever 2016).

Р. фон Иеринга: “Через римское право, но вперед, дальше его”. Усвоив то, что было создано предками, потомки должны работать дальше сами, ибо правовые проблемы не таковы, чтобы они могли быть решены раз навсегда. Новые условия постоянно ставят на очередь новые задачи, и юриспруденция должна постоянно оставаться на своем посту» (Покровский 1998: 17). В этой связи цель нашего исследования состоит не в том, чтобы раз и навсегда разрешить спор относительно содержания вины, а скорее выявить истоки противоположных подходов к ее определению.

Традиционно драматургия отечественной литературы о вине сводится к установлению ее содержания в качестве субъективного или объективного стандарта (Тебряев 2002; Матвеев 1955, 1970; Иоффе 1951). В первом случае вина есть не что иное, как особое психическое отношение нарушителя к противоправному поведению и его последствиям. Согласно же объективному подходу вина заключается в непринятии делинквентом необходимых мер осмотрительности. Сторонники объективной концепции упрекают субъективистов в рецепции чуждых доктрине гражданского права уголовно-правовых взглядов (Брагинский, Витрянский 2005: 583). Тогда как влиятельные последователи субъективного критерия указывают на невозможность описания посредством объективного масштаба проблемных случаев причинения вреда несовершеннолетними и недееспособными (Коциоль 2018: 244), а также учета вины (умысла или грубой неосторожности) потерпевшего. Подобные случаи свидетельствуют о субъективизации стандарта вины.

Каковы предпосылки появления столь неоднозначной психологической концепции вины в деликтном праве? Можно ли обнаружить ее истоки в римском праве? Или причина кроется в переосмыслении содержания категории в Средние века? Если ответ положительный, то почему именно субъективный подход стал преобладающим в раннее Новое время? Поиску ответов на эти вопросы посвящено настоящее исследование. Этим же определяется структура работы. Начиная с рассмотрения вины в римском праве, мы переходим к обсуждению фундаментальных изменений этого условия ответственности в Средние века и раннее Новое время.

Значение вины в римском праве

Римское право представляло собой систему средств защиты, главным образом *actiones* (исков), которые предоставлялись правопорядком субъектам в случае, если существовали основания полагать, что их легитимные имущественные интересы нарушены (Третяков 2022: 22). Для внедоговорного взаимодействия лиц, следствием которого являлся определенного рода вред, существовало несколько видов *actiones*: *actiones poenalis* (штрафные), *actiones mixtae* (смешанные), *actiones rei persecutoriae* (направленные на вознаграждение за убыток). Каждый из этих исков имел различные основания. Так, для штрафных таковыми были *furtum* (кража) и *iniuria* (оскорбление словом или действием). Типичным примером смешанного иска, посредством которого находили удовлетворение и штрафной, и имущественный

интересы, считался *actio legis Aquiliae* – иск из закона Аквилія (Дождев 2016: 633). Основанием последнего служило *damnum iniuria datum* – противоправное нанесение ущерба. Наконец, иском, необходимым для удовлетворения исключительно имущественного интереса, был так называемый *condictio ex causa furtiva* – кондиционный иск из кражи (Гримм 2003: 401).

Главная роль в определении того, заслуживал ли интерес потерпевшего защиты, принадлежала претору. Если он считал, что интересы истца подлежат защите, то предоставлял последнему *actio*. Как справедливо отмечает С.В. Третьяков, отличие от современного права состоит в том, что вопрос о предоставлении средства защиты решался в принципе не до факта нарушения чужого интереса, а после этого (Третьяков 2022: 23). В связи с этим возникают вопросы относительно значения и содержания вины. Возможно ли утверждать, что вина была необходимым реквизитом предоставления претором иска потерпевшему? И если это так, то какова внутренняя архитектура вины?

В классическом римском праве весьма последовательно проводится мысль, согласно которой ответственность за деликт наступает не только за сам факт причинения вреда, но и за вину (Hasse 1838). Напротив, для права эпохи XII таблиц элемент воли играет незначительную роль, а умышленные правонарушения ставятся в один ряд с неосторожными (Гусаков 1896: 145). По всей видимости, не было необходимости выделять вину в архаический период в качестве особого элемента, поскольку любое деликтное взаимодействие презюмировалось умышленным (Kaser 1984: 186). Р. Циммерманн приводит следующий пример: «Когда раба зарезали до смерти или воткнули ему в лицо горящий факел, это не только *prima facie* противоправно, но и сделано умышленно» (Zimmermann 1992: 1005). В определенном смысле древнейший вид ответственности можно считать ответственностью без вины.

Более того, римское право эпохи XII таблиц концентрируется на ужасающих для причинителя вреда последствиях нарушения, создавая уникальную систему превенции (Parisi et al. 2020), с помощью одновременного существования *actiones poenalis*, *lex talionis* и практически неограниченного права потерпевшего на самозащиту¹. Столь жесткая стратегия социальной регуляции была необходима главным образом для того, чтобы предотвратить возможный конфликт. Разумеется, в то время не существовало никаких различий между компенсаторной и превентивной функциями деликтной ответственности. Более того, привычные для современного юриста задачи, реализуемые в рамках уголовного права, разрешались посредством инструментария частного права (Jansen 2003: 197-201). Основной акцент древнейшего римского деликтного права был на том, каким образом потерпевший

¹ В связи с этим Р. фон Иеринг замечает: «Где на другой стороне стояло вполне несомненное право, там надо было быть готовым к тому, то для достижения его будут употреблены все силы и не только собственные имеющего право, но и силы его друзей и родственников, между тем как сам нарушитель не мог рассчитывать в таком случае на поддержку своих» (Иеринг 1875: 106).

должен реагировать на поведение делинквента (Jansen 2003: 192), которое нарушало чувство собственного права¹. Строго говоря, в праве эпохи XII таблиц центральным считался вопрос, следует ли реагировать и как реагировать потерпевшему на посягательство; в современном деликтном праве, напротив, особое внимание уделяется условиям, при которых причинитель вреда привлекается к деликтной ответственности.

В определенном смысле римское право освободилось от древнейших оков с принятием закона Аквилы в 286 г. до н.э., где получает самостоятельную трактовку ответственность за *damnum iniuria datum* – противоправное нанесение ущерба (Дождев 2016: 632). И здесь особого внимания заслуживает *iniuria*. Существует весьма убедительное мнение, согласно которому *damnum iniuria* представляет собой асиндетон – стилистическую фигуру, основанную на пропуске союза. Об этом свидетельствует тот факт, что оба слова *damnum* и *iniuria* стоят в именительном падеже (Rodger 2006: 421, 425). А примерно к I в. до н.э. довольно распространенным стало употребление вместо *iniuria* термина *culpa*; соответственно, привычный состав приобрел вид *damnum culpa datum* (Daube 1969: 153), что свидетельствует о появлении дополнительного критерия, близкого по значению к вине. Эти обстоятельства заставляют нас, во-первых, проиллюстрировать разнообразную палитру взглядов на *iniuria*, во-вторых, установить соотношение между *iniuria* и *culpa*.

Можно выделить, как минимум, три подхода к определению *iniuria* в законе Аквилы². Первая точка зрения имеет наибольшее количество сторонников и определяет *iniuria* как объективный элемент, независящий от воли лица, смысл которого состоит в отсутствии обстоятельств, исключающих противоправность (Schipani 1969: 83). Иными словами, лицо действует *iniuria*, только если отсутствуют условия, оправдывающие его вредоносное поведение (к примеру, необходимая оборона, крайняя необходимость и т.д.) (Hasse 1838: 23, 39, 47, 48)³. Подобный подход убедительно доказывает зарождение и эволюцию *culpa* в лоно *iniuria*. Уже в классический период появившаяся из *iniuria* концепция *culpa* стала выполнять три важнейших задачи: 1) объем *iniuria* сужался, поскольку даже за противоправное

¹ Безусловно, нельзя говорить о существовании конструкции субъективного права в древнейшем римском праве. Р. фон Иеринг весьма удачно использует для обозначения нарушаемого состояния потерпевшего словосочетание «чувство права» (Иеринг 1875: 106-107).

² Сразу оговоримся, что этот термин употребляется лишь в главах I и III закона. В соответствии с первой главой предусматривалась ответственность за *occidere* (убийство) чужого раба или скота, тогда как третья глава содержала положения о нанесении вреда – *urere, frangere, rumpere* – любым вещам. Вторая глава, в которой предусматривалась ответственность адстипулятора, совершившего акцептиляцию во вред кредитору, уже в республиканскую эпоху перестает применяться, поскольку для подобных ситуаций достаточно было иска из поручения (Zimmermann 1992: 954).

³ В отечественной науке подобная позиция изложена в работах В.М. Хвостова в начале XX столетия (Хвостов 2019: 198-199). В современной зарубежной литературе представлена у Р. Циммерманна (Zimmermann 1992: 998-1004).

поведение причинитель вреда не отвечал в отсутствие вины или умысла¹; 2) *culpa* имела тенденцию совпадать с *iniuria*; 3) посредством *culpa* можно было расширить диапазон ответственности, в частности, поведение, которое ранее считалось правомерным *prima facie*, могло квалифицироваться в качестве виновного (Beinart 1952: 285).

Преимущество такого подхода состоит в том, что, с одной стороны, становится возможным объяснить взаимосвязь различных элементов, с другой – устанавливаются основания для их разграничения. Как следствие, в XIX столетии в европейской цивилистике возникнет субъективная теория противоправности, в соответствии с которой поведение считается противоправным, если лицо причиняет вред без законного основания (Степанов 2021).

Несколько отличается точка зрения Н. Янсена. Не оспаривая в целом объективный характер *iniuria*, ученый полагает, что как *culpa*, так и *iniuria* были необходимы лишь для исключения ответственности в определенных случаях (Jansen 2003: 220)². Значением обладал лишь *damnum* как результат поведения делинквента. Механизм, с помощью которого *damnum* атрибутировался делинквенту, заключался в толковании различных глаголов, обозначающих конкретные модели вредоносного поведения (из главы I – *occidere*, из главы III – *urere, frangere, rumpere*) (Jansen 2003: 218)³. Думается, что столь трепетное отношение Н. Янсена к вредоносному результату во многом продиктовано его приверженностью специфической теории противоправности, существующей в Германии (Jansen 2002). Речь идет о так называемой теории противоправности результата, в соответствии с которой лицо действует противоправно лишь в том случае, когда нарушает блага, поименованные в законе⁴. Отсюда истинная цель ученого – стремление усилить теорию результата с помощью исторической аргументации.

Согласно второй точке зрения *iniuria* всегда означала *dolus* и *culpa*. Влиятельным последователем такого подхода является Дж. МакКормак. Проанализировав внушительное количество фрагментов *Corpus iuris civilis*, ученый приходит к выводу о тождественности *iniuria* и *dolus/culpa* (MacCormack 1975: 56). Один из комментируемых автором фрагментов обладает важнейшим значением для дальнейшего обсуждения содержания вины. Касается он ответственности садовника, который уронил сук с дерева на дорогу и убил прохожего⁵. Дело в том, что, по мнению Квинта Муция, в таком

¹ Gai. III, 211 (Дождев 2020: 219).

² К примеру, лицо, причинившее ущерб, действовало в отсутствие вины или в состоянии крайней необходимости.

³ Аналогичным образом рассуждает и М. Казер (Kaser 1984: 186).

⁴ Теория противоправности результата получила нормативный импульс в п. 1 § 823 Германского гражданского уложения, в соответствии с которым причинение вреда жизни и здоровью, посягательство на свободу, собственность или иное право другого лица автоматически означают противоправность (Markesinis, Unberath 2002: 79).

⁵ D. 9.2.31 (Кофанов 2008).

случае возможно было предъявить иск на основании *culpa*. Если же дороги не было, то садовник должен отвечать лишь за *dolus*. Это позволяет МакКормаку сделать вывод о совпадении *iniuria* и *dolus/culpa*.

Однако в литературе отмечается, что в более ранних публикациях ученый придерживался традиционных воззрений относительно содержания *iniuria* как отсутствия обстоятельств, исключающих противоправность (Paschalidis 2008: 325). При этом отметим, что различие между *dolus* и *culpa* не имело никакого значения при привлечении лица к ответственности по закону Аквилы, поскольку во внимание принималась даже небрежность – *culpa levissima* (Дождев 2016: 634). Основной упрек сторонников этого подхода в адрес представителей первой точки зрения заключается в том, что якобы последние пытаются применить современные правовые категории при исследовании римских деликтов. Напротив, последователи второй точки зрения (Дж. МакКормак и др.) полагают, что римскому праву четкое разделение *iniuria* и *culpa* не было известно.

П. Бёркс также отстаивает вторую точку зрения, указывая на то, что *iniuria* в *damnum iniuria datum* означает *dolus* или *culpa* (Birks 2014: 202-210). Тем не менее в некоторых работах ученый предпринимал попытки раскрыть содержание *iniuria* в *damnum iniuria datum* посредством обращения к отдельному деликту *iniuria*, заявляя таким образом об их генетической связи¹. Иначе говоря, *datum*, по мнению П. Бёркса, должен был быть вызван оскорблением – *iniuria*, в котором наличествует *dolus* (Birks 1981: 141).

Наконец, третий подход представлен в работах выдающегося отечественного ученого Т.М. Яблочкова. На первый взгляд может показаться, что его позиция не отличается от первого подхода, описанного нами: *iniuria* понимается им в качестве отсутствия обстоятельств, оправдывающих причинение вреда², тогда как *culpa* определяется как дополнительный критерий, возникший несколько позже. Однако существенное отличие проявляется в интерпретации *culpa*. Исходным началом для ее определения ученый объявляет римский индивидуализм. Каждый индивидуум в римской системе координат обладал нравственной и имущественной обособленностью. «Полная свобода движения и деятельности, – отмечал Т.М. Яблочков, – внутри своей сферы и право поддерживать и защищать ее своими силами всеми средствами имеют ограничение в обязанности не преступать эту границу и не вмешиваться тем самым в чужую сферу – ни с плохими, ни с добрыми намерениями» (Яблочков 1907: 15). Отсюда следует, что истинное содержание *culpa* заключается во вмешательстве в чужую сферу, независимо от намерения лица. Индивидуализм как фундаментальный принцип римского права в корне меняет отношение также к *iniuria*. Это не просто такое вредоносное поведение лица, которое

¹ На это обстоятельство указывает П. Пасхалидис (Paschalidis 2008: 326).

² Точнее говоря, Т.М. Яблочков следует за И.К. Хассе. Последний, как мы указывали, является сторонником первой точки зрения.

лишено оправдательного основания, но главным образом превышение (или выход) пределов индивидуальной сферы. Противоправность деяния нужно искать не в праве, которое нарушено, а в праве, которое превышено (Яблочков 1907: 18)¹. Любопытно, что в самом начале работы автор предостерегал от того, чтобы выводить общее понятие вины для римского права. Однако сам совершил подобного рода ошибку. Более того, в его рассуждениях чувствуется влияние философии И. Канта².

В действительности римское деликтное право было казуистическим, а какого-либо стандартизированного критерия вины не существовало (Zimmermann 1992: 1008). Разумеется, невнимательность или предвидимость обладали важным значением в конкретных случаях (Барон 2005: 214-215), однако окончательный вопрос об ответственности зависел от оценки совокупности обстоятельств, которые главным образом определялись с объективной стороны.

Кратко охарактеризуем пример, связанный с ответственностью садовника, о котором мы упомянули ранее³. Может показаться, что *culpa* в данном случае предопределяется субъективными соображениями. Но на самом деле она определяется в отрывке следующим образом: *Culpam autem esse, quod cum a diligente provideri poterit, non esset provisum aut tum denunciatum esset, cum periculum evitari non possit*. Глагол *provideo* может быть переведен как «предвидеть» или «принять меры предосторожности» (Paschalidis 2008: 351). При этом в литературе подчеркивается его безусловный объективный масштаб (Schipani 1969: 152).

Лишь к III в. н.э. *culpa* приобрела некоторые субъективные черты. По мнению Павла, садовник не должен отвечать за причиненный вред, если он не мог предвидеть, что кто-либо пройдет рядом (Paschalidis 2008: 352). Такое изменение акцентов может создать ложное представление о *culpa*. Несмотря на некоторую субъективизацию, от объективного стандарта в этом деле никогда не отступали, поскольку главным образом необходимо было принимать во внимание вид дороги (частная или общественная), пролежавшей рядом с местом обрезания веток садовником (Zimmermann 1992: 1010).

Таким образом, разделение *culpa* и *iniuria* не было известно классическому римскому праву. Основы размежевания были заложены в *Corpus iuris civilis*, где под *iniuria* понималось такое вредоносное поведение, которое не имело извиняющего обстоятельства (необходимая оборона и др.), тогда как *culpa* во времена Юстиниана приобретает техническое значение небрежности (Барон 2005: 214). При этом последняя определялась объективно.

¹ В этом отрывке явно прослеживается связь воззрений Т.М. Яблочкова и А. Перниса (Pernice 1867: 45).

² Особенно если принять во внимание кантианское понимание автономии воли: важно то, что нельзя делать другим лицам (Третьяков 2020: 11).

³ D. 9.2.31. В романистике подлинность отрывка оспаривается (Schipani 1969: 141-143).

Изменение содержания вины в Средние века и раннее Новое время

Средние века характеризуются известным плюрализмом правовых форм (каноническое, феодальное, вульгарное римское право и пр.). Разумеется, одним из основных социальных институтов, претендовавших на господство в сфере регулирования общественных отношений, была Церковь. Зарождающееся каноническое право всюду использовало лексику римского деликтного права. И уже к VII в. термин *delictum* практически полностью проникает в сферу религиозной лексики, где он используется для обозначения греха, в качестве синонима термина *peccatum* (Мареф 2005: 129).

Такое заимствование не обошлось без изменения внутреннего содержания понятий. Ключевая роль здесь принадлежит П. Абеляру, который разработал три элемента примирения грешника с Богом: *contritio cordis* (покаяние), *confessio oris* (исповедь), *satisfactio operis* (возмещение ущерба) (Проди 2017: 57). Дело в том, что на разных этапах эволюции Католической церкви этим элементам придавалось различное значение. Так, с VII в. огромную роль играют покаянные книги, в которых, как несложно догадаться, основной акцент делается на *contritio* и *satisfactio*. В этих сборниках предпринимается попытка соотнести определенные грехи с покаянием (молитвы, посты и т.п.). Формируется так называемое тарифицированное правосудие: определенное количество дней или лет поста за определенный вид греха (Проди 2017: 51-52). Покаяние при этом означает исповедание перед Богом в душе, которое само по себе содержит прощение, священник лишь фиксирует и проговаривает его, назначая конкретное исполнение покаяния.

К XII в. происходят значительные метаморфозы. Не последнюю роль в этом процессе сыграли усиление папской власти и экспансия Католической церкви в целом. В эпоху папы Григория VII каноническое право получает мощный импульс к развитию, кульминацией которого станет создание в XII столетии *Decretum* Грациана. Этот сборник будет господствовать в панораме римско-христианской юридической мысли.

В этот период центр тяжести примирения грешника с Богом переносится на *confessio oris*, исповедь перед священником, и отпущение им грехов. В XIII в. на IV Латеранском соборе была установлена обязанность ежегодной исповеди. Фигура священнослужителя все больше напоминает судью, который управомочен в духе инквизиционного процесса проводить допрос грешника, выявлять его истинные намерения, оценивать обстоятельства. По меткому замечанию П. Проди, даже формулировка отпущения грехов все больше походит на приговор (Проди 2017: 74). Любопытно, что в качестве основного стимула к исповеди выступало зарождающееся в этот период учение о чистилище, в соответствии с которым утверждается индивидуальный суд, ожидающий каждого после смерти (для душ, которые не осуждены на вечные муки, но и не допущенные в рай до Страшного суда, до конца света). Исповедь перед священником способна уменьшить муки чистилища применительно к предусмотренным наказаниям. Подобный

индивидуальный характер суда, а также компетенция служителей Церкви по выявлению истинного отношения лиц к результатам их поведения способствовали резкой субъективизации вины.

Однако процесс расширения полномочий священнослужителей, помимо прочего, был сопряжен с некоторыми догматическими трудностями, связанными главным образом с вопросом о том, могут ли епископы судить? И если ответ утвердительный, то за какие грехи? Ведь очевидно, что существуют грехи, за которые может судить лишь Бог¹. Задача по разделению божественного и церковного форумов была возложена именно на вину как условие ответственности. Она становится центральной темой исследовательского канонистов XII–XIII вв. (Kuttner 1935). Со временем было предложено два решения.

Первое исходит из злого умысла нарушителя. Строго говоря, *dolus malus* соответствует преступному греху, который может быть предметом рассмотрения на церковном форуме (Kuttner 1935: 323–324). Второе решение представляется более любопытным, поскольку предпринимаются попытки разграничить форумы с помощью концепции общественного порицания. Именно общественные последствия отличали преступный грех от простого греха (Проди 2017: 80). Впоследствии концепция порицания была заменена нарушением норм канонического права. В результате юрисдикция Церкви предопределялась умалением объективных норм. Ш. Куттнер отмечал, что путем подобных рассуждений канонисты пришли к догматическому выводу о разделении *forum ecclesiae* и *forum Dei* (Kuttner 1935: 324). Однако на практике оба форума оставались теснейшим образом связанными. Особые способы принуждения, выработанные для церковного форума, переплетались с мерами принуждения, существующими на форуме божественном.

Немаловажным значением для нашей темы обладает учение о человеческих поступках Ф. Аквинского. Как известно, философ при формулировании вины опирался на разработанную Аристотелем концепцию уравнивающей справедливости (Gordley 2006: 140). Однако в отличие от воззрений греческого мыслителя ключевую роль здесь приобретает волевой характер действий лиц, умышленно или неосторожно нарушивших справедливое равенство². «Средневековые мыслители, – как справедливо замечает Т. Осборн, – считали, что воля или желание и выбор являются актами, которые принадлежат одной способности, а именно воле – *voluntas*, для обозначения которой не было прямого греческого термина во времена Аристотеля» (Osborne 2014: 131).

Следствием провозглашения волевого элемента в качестве основы формирования и осуществления человеческого акта стал вывод о том, что само совершение действия по своей воле и есть та выгода, которую лицо

¹ Эти сомнения впервые высказал в XII столетии П. Абеляр в своей «Этике» (Abelard 1971).

² ST, II-II, q.57.a.1. См.: Аквинский Ф. Сумма Теологии. Т. 8 // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-8/11> (дата обращения: 07.06.2022).

получает, и такая выгода должна передаваться тому, кто потерпел по этой причине убыток (Ли 2013: 25). При этом сам поступок с точки зрения Ф. Аквинского имел весьма непростую структуру, состоящую из выполнения цели, выбора средств и исполнения акта. Каждому этапу соответствовала сложная конфигурация воли и разума. Дело в том, что проблемы соотношения интеллекта и воли в стратегии человеческих поступков приобрели существенное значение в XIII в., поскольку возникла острая необходимость квалификации неведения в качестве волевого или лишенного воли действия. Так, причиной морального неведения, по мнению Ф. Аквинского, являлось упущение в работе человеческого разума, тем не менее сама сущность греха заключалась в воле того, кто проявил небрежность (Душин 2017: 174). Более того, для квалификации неведения необходимо было осознание результата вредоносного поведения. К примеру, во время охоты человек, стреляя в зайца, случайно убивает своего заклятого врага. Подобный акт лишен актуального воления, поскольку нерадивый охотник не осознавал результатов своего поведения. В целом предпринятые Ф. Аквинским попытки описания человеческих поступков с теологической точки зрения надлежит считать безупречными, однако для целей правового регулирования не совсем удачными (Sampson 2021: 59). Именно по этой причине, например, постгlossаторы в меньшей степени ориентировались на учение Ф. Аквинского о человеческих поступках, главным образом используя лишь субъективный взгляд на вину.

Известный постгlossатор Бальд полагал, что деликт состоит из трех элементов: проявления, наименования и качества (Sampson 2018: 72). В соответствии с первым аспектом делинквент должен привлекаться к ответственности лишь за противоправный результат или запрещенное поведение. Второй компонент необходим для того, чтобы разрешить проблему, связанную с непоименованными правонарушениями. Проводится прямая аналогия с безымянными контрактами в римском праве: существуют такие случаи причинения вреда, которые прямым образом не названы в законе, тем не менее делинквент обязан к возмещению. Наконец, третий элемент представляется наиболее существенным для нашей темы. Под качеством Бальд понимал, по-видимому, тяжесть поступка. Строго говоря, каждое обстоятельство, усугубляющее ответственность, относится к его качеству (Sampson 2018: 72). Подобные обстоятельства можно разделить на две группы: внутренние мотивы правонарушителя и объективные условия, в которых он действовал. Субъективные характеристики проявляются, с одной стороны, в качестве воли, с другой – как несоответствие поведения делинквента установленному в законе стандарту. Кроме того, любопытно, что Бальд в отличие от римской казуистической традиции обсуждает вину как абстрактную предпосылку ответственности, создавая тем самым универсальное условие.

Следующий важный этап относится к выделению субъективной вины из греха. И связан он с именем иезуита Х. Асора, точнее с его *Institutiones morales*, опубликованными в XVII столетии. Именно в этих институциях предпринимается попытка различить и соотнести вину и грех. «Между грехом и виной имеется следующее различие, – писал Х. Асор, – грех более ши-

рокое понятие, чем вина, <...> ибо грех представляет собой действие, которое отступает и отклоняется от должной нормы. <...> Вина же присутствует только в действиях нравов и разума, добровольных и свободных: тому, что добровольно и свободно совершается против здравого разума, вменяется вина и наказание. В данном случае о грехе говорится как о том, что имеется в действиях разума и нравов. Из этого следует, что любая вина есть грех, а всякий грех есть порок, но не наоборот, не всякий порок есть грех, и не всякий грех – вина» (Проди 2017: 358). Иными словами, для вины необходим свободный и добровольный акт, тогда как для греха требуется отклонение от нормы. Любопытно, насколько современным кажется пассаж XVII в. До сих пор многие ученые видят в противоправности нарушение объективных норм, тогда как под виной понимается отношение лица к вредоносному результату.

Дальнейшее развитие вины продиктовано сложным процессом взаимопроникновения юридической и религиозной сфер. И здесь надлежит отметить два важных направления. С одной стороны, благодаря усилиям саламанской школы позитивное право сакрализуется. Строго говоря, позитивное право получает дополнительный источник легитимации, поскольку вписывается в общую картину христианского закона¹. С другой стороны, из сферы греха постепенно обособляется концепция правонарушения. Фундаментальное значение приобретает данное Т. Гоббсом определение преступления в качестве греха, заключающегося в совершении делом и словом того, что запрещено законом, или неисполнении того, что он повелевает. «Намерение украсть или убить, – отмечал философ, – есть грех, хотя бы это намерение не было выявлено никогда ни словом, ни делом, ибо Бог, знающий мысли человека, может вменить ему это в вину. Однако, до тех пор пока такое намерение не обнаружилось каким-нибудь поступком или словом, при наличии которых намерение могло бы стать объектом разбора земного судьи, оно не называется преступлением» (Гоббс 1991: 226-227).

Во-первых, из этих рассуждений следует, что всякое преступление есть в сущности грех, тогда как не всякий грех представляется преступлением. Во-вторых, намерение определяется исключительно в качестве субъективного отношения лица к возможному результату. Разумеется, само по себе подобное отношение не является еще преступлением, однако интересен именно этот акцент на намерении. В-третьих, позитивный закон и законодатель сакрализуются².

¹ В связи с этим интересным выглядит деление права, которое предложил Л. де Молина. По его мнению, оно подразделяется на две общие категории – естественное и позитивное; последнее, в свою очередь, делится на божественное и человеческое (Проди 2017: 365-366). Из этого обстоятельства следует, что все позитивное право маркируется приказами власти (церковной или светской). Нетрудно догадаться, что несколько позже благодаря Т. Гоббсу место божественного в западной культуре займет Бог-государство (Гоббс 1989: 391).

² «Грехом является не только нарушение закона, но также выражение презрения к законодателю, ибо такое презрение есть нарушение всех его законов сразу» (Гоббс 1991: 225).

Влияние религиозной сферы ощущается и в работах Г. Гроция, с именем которого современные исследователи связывают появление принципа «генерального деликта» (Цвайгерт, Кетц 2010: 601). Испытав сильное влияние томизма¹ и правового гуманизма, он стал первым, кто смог вывести моральные принципы из сферы теологии в сферу права (Ли 2013: 27).

Учение Г. Гроция о вине характеризуется двумя важными аспектами. С одной стороны, надлежит отметить некоторую непоследовательность в проведении принципа вины как основного условия ответственности, с другой – вина не имеет какого-либо устойчивого содержания. Непоследовательность проявляется в том, что, по мнению Г. Гроция, существуют случаи причинения вреда, где вина не является необходимым реквизитом. Это обстоятельство вызвано сложностями в ее доказывании (Sampson 2021: 65). Речь идет об известных еще римскому праву случаях ответственности хозяина корабля, гостиницы. Подобные обязательства не являются, по мнению ученого, в строгом смысле деликтными, так как в них отсутствует вина делинквента, в то же время они составляют особый вид обязательств *quasi ex maleficio*. Правда, не совсем понятно, почему голландский юрист не воспользовался разработанной в Средние века конструкцией *culpa in eligendo* (вина в выборе сотрудников) для объяснения подобной ответственности, это позволило бы логично провести принцип вины. Кроме того, любопытным представляется описанный Г. Гроцием случай ответственности за убытки от столкновения судов: убытки несли обе стороны поровну, если невозможно было доказать, что виновно лишь одно лицо. Здесь ученый впервые упоминает презумпцию вины (Sampson 2021: 67).

Говоря о неопределенном содержании вины, следует отметить противоречивость ее использования в работах Г. Гроция. Складывается впечатление, что вина употребляется не в качестве сугубо юридического критерия, наполненного точным смыслом, а как термин, обозначающий общественное порицание вредоносного поведения (Sampson 2021: 63). В своем раннем произведении по частному праву *Inleidinge* Г. Гроций не определяет вину, указывая лишь на различные ее степени: *dolus* (умысел) и *culpa* (небрежность). Вместо этого он сосредотачивается на описании конкретных случаев причинения вреда, в которых отсутствие вины является обстоятельством, исключающим ответственность.

Таким образом, несмотря на провозглашение Г. Гроцием принципа вины в качестве фундаментального условия ответственности, оставались нерешенными многие практические проблемы относительно определения ее внутреннего содержания, а также применимости в некоторых случаях.

Подводя промежуточный итог, укажем, что в результате довольно сложного исторического процесса вина в эпоху Средневековья приобрела субъективное содержание, а в период раннего Нового времени именно это понимание нашло свое отражение в сфере позитивного права.

¹ В особенности Л. Лессюса (Sampson 2021: 61).

Заключение

Едва ли в доктрине деликтного права найдется столь неоднозначное и противоречивое по своему внутреннему содержанию условие ответственности, как вина. По нашему глубокому убеждению, исторический метод помогает разобраться в истоках субъективного и объективного представлений о вине. Так, римское право в динамическом процессе своего развития демонстрирует предпосылки возникновения вины. В архаический период вина не играла существенной роли, поскольку умышленные правонарушения ставились в один ряд с неосторожными. Однако в классическом римском праве принцип вины, определяемый по объективному масштабу, приобрел центральное значение в качестве удобного критерия, с одной стороны, для ограничения ответственности причинителя вреда, с другой стороны, напротив, для расширения диапазона ответственности.

Кроме того, многие исследования по римскому праву пронизывает сложный вопрос о соотношении категорий *culpa* и *iniuria*. Нами были продемонстрированы три ключевые точки зрения по этому поводу. Кажется, что вопрос не потерял своей актуальности и для современного деликтного права, если под *culpa* понимать вину, а в *iniuria* видеть противоправность. Существенные изменения в содержании вины происходят в Средние века. К VII в. термин *delictum* проникает в сферу религиозной лексики, где он используется для обозначения греха. Благодаря влиянию канонического права к XIII в. вина приобрела субъективный характер. Главной причиной подобного положения дел стал перенос акцента в учении о примирении грешника с покаяния и возмещения ущерба на исповедь, что позволило священнослужителю выявлять истинные намерения делинквента, а также оценивать обстоятельства совершения греха. Именно в этот период формируется идея индивидуального отношения нарушителя к вредоносному результату, которое, как показало исследование, коренится отнюдь не уголовном праве. Впоследствии, в результате сложного процесса размежевания первоначально вины и греха, а затем греха и правонарушения, субъективная вина попадает в сферы как уголовного, так и деликтного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Барон Ю. 2005. Система римского гражданского права : в 6 кн. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс. 1100 с.
- Брагинский М.И., Витрянский В.В. 2005. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. Москва : Статут. 840 с.
- Гоббс Т. 1989. Основы философии // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 66-506.
- Гоббс Т. 1991. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 2. С. 5-285.
- Гримм Д.Д. 2003. Лекции по догме римского права. Москва : Зерцало. 496 с.
- Гусаков А.Г. 1896. Деликты и договоры как источники обязательств в системе гражданского права Древнего Рима. Историко-юридическое исследование. Москва : Университетская типография. 234 с.

Дождев Д.В. (ред.) 2020. Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor. Москва : Статут. 384 с.

Дождев Д.В. 2016. Римское частное право. Москва : ИНФРА-М. 685 с.

Душин О.Э. 2017. Аристотель и Фома Аквинский о моральном неведении // Verbum. Вып. 19: Никомахова этика в истории европейской мысли. Санкт-Петербург ; Псков : Псковский государственный университет, 2017. С. 163-179.

Евстигнеев Э.А. 2017. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения (часть первая) // Вестник гражданского права. № 4. С. 45-83.

Зиновьева О.А. 2006. Самозащита гражданских прав в законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 166 с.

Иеринг Р. фон. 1875. Дух римского права на различных ступенях его развития. Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова и К°. 309 с.

Иоффе О.С. 1951. Обязательства по возмещению вреда. Ленинград : Издательство Ленинградского университета. 108 с.

Кофанов Л.Л. (ред.) 2008. Дигесты Юстиниана. Москва : Статут. Т. 2, кн. 5-11. 621 с.

Коциоль Х. 2018. Гармонизация и фундаментальные вопросы европейского деликтного права (окончание) // Вестник гражданского права. Т. 18, № 1. С. 189-267.

Ли Чж. 2013. Принцип вины в деликтных обязательствах в традиции континентальной правовой семьи (сравнительно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 166 с.

Марей А.В. 2005. Обязательства ex delicto в «Семи Патридах» Альфонсо X Мудрого (1252–1284): дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 219 с.

Маркелова А.А. 2018. Соотношение вины и противоправности в деликтах государства // Договоры и обязательства / отв. ред. А.В. Егоров, А.А. Новицкая. Москва : Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. Т. 2. С. 99-147.

Матвеев Г.К. 1955. Вина в советском гражданском праве. Киев : Издательство Киевского университета. 308 с.

Матвеев Г.К. 1970. Основания гражданско-правовой ответственности. Москва : Юридическая литература. 312 с.

Покровский И.А. 1998. История римского права. Санкт-Петербург : Летний сад. 560 с.

Проди П. 2017. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. Москва : Издательство Института Гайдара. 509 с.

Степанов С.К. 2021. Современные теории противоправности: швейцарский подход // Вестник гражданского права. Т. 21, № 1. С. 219-253. DOI 10.24031/1992-2043-2021-21-1-219-253

Тебряев А.А. 2002. Вина причинителя вреда в деликтных обязательствах // Юрист. № 3. С. 27-31.

Третьяков С.В. 2005. К проблеме использования исторической аргументации в цивилистической догматике // Неволин К.А. История российских гражданских законов. Ч. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. Москва : Статут. С. 22-43.

Третьяков С.В. 2020. Субъективное частное право и «юриспруденция понятий»: кульминация и кризис волевой теории субъективного права // Вестник гражданского права. Т. 20, № 3. С. 9-42. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-3-9-42

Третьяков С.В. 2022. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 495 с.

- Хвостов В.М. 2019. Система римского права. Москва : Юрайт. 540 с.
- Цвайгерт К., Кетц Х. 2010. Сравнительное частное право : в 2 т. Москва : Международные отношения. 726 с.
- Шепель Т.В. 2014. Вина в гражданском праве: законодательство и цивилистическая доктрина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. Т. 10, № 2. С. 50-55.
- Яблочков Т.М. 1907. Понятие вины в римском праве (черты индивидуализма в учениях римских юристов о вине). Москва : Правоведение. 56 с.
- Abelard P. 1971. *Ethics*. Oxford : Clarendon Press. 144 p.
- Beever A. 2016. *A Theory of Tort Liability*. Oxford ; Portland : Hart Publishing. 272 p.
- Beinart B. 1952. The Relationship of Iniuria and Culpa in the Lex Aquilia // *Studi in Onore di Vincenzo Arangio-Ruiz nel XLV Anno del suo Insegnamento* / ed. by M. Lauria. Napoli : Editore Jovene. P. 279-303.
- Birks P. 1981. Other Men's Meat: Aquilian Liability for Proper Use // *The Irish Jurist*. Vol. 16, iss. 1. P. 141-185.
- Birks P. 2014. *The Roman Law of Obligations*. Oxford : Oxford University Press. 303 p.
- Daube D. 1969. *Roman Law: Linguistic, Social and Philosophical Aspects*. Edinburgh : Edinburgh University Press. 205 p.
- Gordley J. 2006. Tort Law in the Aristotelian Tradition // *Philosophical Foundations of Tort Law* / ed. by D.G. Owen. Oxford : Clarendon Press. P. 131-158.
- Hasse J.Ch. 1838. *Die Culpa des Römischen Rechts. Eine civilistische Abhandlung*. Bonn : A. Marcus. 604 s.
- Jansen N. 2002. Das Problem der Rechtswidrigkeit bei § 823 Abs. 1 BGB // *Archiv für die civilistische Praxis*. Bd. 202. S. 515-554.
- Jansen N. 2003. *Die Struktur des Haftungsrechts. Geschichte, Theorie und Dogmatik außervertraglicher Ansprüche auf Schadensersatz*. Tübingen : Mohr Siebeck. 703 s.
- Kaser M. 1984. *Roman Private Law. Pretoria* : University of South Africa. 455 p.
- Kuttner S. 1935. *Kanonistische Schuldlehre von Gratian bis auf die Dekretalen Gregors IX. Systematisch auf Grund der handschriftlichen Quellen dargestellt*. Città del Vaticano : Biblioteca Apostolica Vaticana. 429 s.
- MacCormack G. 1975. *Aquilian Studies* // *Studia et Documenta Historiae et Juris*. Vol. 41. P. 1-78.
- Markesinis B., Unberath H. 2002. *The German Law of Torts. A Comparative Treatise*. Oxford ; Portland : Hart Publishing. 1050 p.
- Osborne T.M. 2014. *Human Action in Thomas Aquinas, John Duns Scotus and William of Ockham*. Washington : The Catholic University of America Press. 288 p.
- Parisi F., Pi D., Luppi B., Fagnoli I. 2020. Deterrence of Wrongdoing in Ancient Law // *Roman Law and Economics*. Vol. 2: Exchange, Ownership, and Disputes. Oxford : Oxford University Press. P. 347-378.
- Paschalidis P. 2008. What Did Iniuria in the Lex Aquilia Actually Mean? // *Revue Internationale des Droits de l'Antiquite*. Vol. 55. P. 321-363.
- Pernice A. 1867. *Zur Lehre von den Sachbeschädigungen nach römischem Rechte*. Weimar : H. Böhlau. 265 s.
- Rodger A. 2006. What Did Damnum Iniuria Actually Mean? // *Mapping the Law. Essays in Memory of Peter Birks*. Oxford : Oxford University Press. P. 421-438.
- Sampson J. 2018. *The Historical Foundations of Grotius' Analysis of Delict*. Leiden : Brill. 258 p.

Sampson J. 2021. The Place of Fault in Grotius's Conception of Liability for Wrongdoing // *Grotiana*. Vol. 42, iss. 1. P. 53-68. DOI 10.1163/18760759-42010004

Schipani S. 1969. Responsabilità 'ex lege Aquilia': criteri di imputazione e problema della 'culpa'. Torino : G. Giappichelli. 506 p.

Wieacker F. 1996. *Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung*. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht. 659 s.

Zimmermann R. 1992. *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Cape Town : Juta and Company. 1241 p.

References

Abelard P. *Ethics*, Oxford, Clarendon Press, 1971, 144 p.

Baron J. *The System of Roman Law: in 6 books*, Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2005, 1100 p. (In Russ.).

Beever A. *A Theory of Tort Liability*, Oxford & Portland, Hart Publishing, 2016, 272 p.

Beinart B. The Relationship of Iniuria and Culpa in the Lex Aquilia, M. Lauria (ed.) *Studi in Onore di Vincenzo Arangio-Ruiz nel XLV Anno del suo Insegnamento*, Naples, Editore Jovene, 1952, pp. 279-303.

Birks P. Other Men's Meat: Aquilian Liability for Proper Use, *The Irish Jurist*, 1981, vol. 16, no. 1, pp. 141-185.

Birks P. *The Roman Law of Obligations*, Oxford, Oxford University Press, 2014, 303 p.

Braginskij M.I., Vitrijanskij V.V. *Contract Law. Book 1: General Provisions*, Moscow, Statut, 2005, 840 p. (In Russ.).

Daube D. *Roman Law: Linguistic, Social and Philosophical Aspects*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 1969, 205 p.

Dozhdev D.V. (ed.) *Gai Institutions = Gai Institutionum commentarii quattuor*, Moscow, Statut, 2000, 384 p. (In Russ.).

Dozhdev D.V. *Roman Private Law*, Moscow, INFRA-M, 2016, 685 p. (In Russ.).

Dushin O.E. Aristotle and Thomas Aquinas on Moral Ignorance, *Verbum. Vyp. 19: Nikomaxova étika v istorii evropejskoj mysli* [Verbum. Vol. 19: Nicomachean Ethics in the History of European Thought], Saint Petersburg & Pskov, Pskovskij gosudarstvennyj universitet, 2017, pp. 163-179. (In Russ.).

Evstigneev E.A. General Tort Principle: Modern Position and Prospects of Application (Part 1), *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2017, no. 4, pp. 45-83. (In Russ.).

Gordley J. Tort Law in the Aristotelian Tradition, D.G. Owen (ed.) *Philosophical Foundations of Tort Law*, Oxford, Clarendon Press, 2006, pp. 131-158.

Grimm D.D. *Lectures on the Dogma of Roman Law*, Moscow, Zercalo, 2003, 496 p. (In Russ.).

Gusakov A.G. *Torts and Contracts as Sources of Obligations in the Civil Law System of Ancient Rome. Historical and Legal Research*, Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1896, 234 p. (In Russ.).

Hasse J.Ch. *Die Culpa des Römischen Rechts. Eine civilistische Abhandlung* [The Culpa of Roman Law. A Civilist Treatise], Bonn, A. Marcus, 1838, 604 p. (In German).

Hobbes T. 1989. *Fundamentals of Philosophy*, T. Hobbes *Collected Works: in 2 vols*, Moscow, Mysl, 1989, vol. 1, pp. 66-506. (In Russ.).

Hobbes T. *Leviathan*, T. Hobbes *Collected Works: in 2 vols*, Moscow, Mysl, 1991, vol. 2, pp. 5-285. (In Russ.).

Ihering R. *The Spirit of Roman Law at Various Stages of its Development*, Saint

Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i K^o, 1875, 309 p. (In Russ.).

Ioffe O.S. *Compensation Obligations*, Leningrad, Leningrad University Press, 1951, 108 p. (In Russ.).

Jansen N. Das Problem der Rechtswidrigkeit bei § 823 Abs. 1 BGB [The Problem of Wrongfulness in § 823 Para. 1 BGB], *Archiv für die civilistische Praxis* [Archives for Civilist Practice], 2002, vol. 202, pp. 517-554. (In German).

Jansen N. *Die Struktur des Haftungsrechts. Geschichte, Theorie und Dogmatik außervertraglicher Ansprüche auf Schadensersatz* [The Structure of Tort Law], Tübingen, Mohr Siebeck, 2003, 703 p. (In German).

Kaser M. *Roman Private Law*, Pretoria, University of South Africa, 1984, 455 p.

Khvostov V.M. *Roman Law System*, Moscow, Jurajt, 2019, 540 p. (In Russ.).

Kofanov L.L. (ed.) *The Digests of Justinian*, Moscow, Statut, 2008, vol. 2, books 5-11, 621 p. (In Russ.).

Koziol H. Harmonisation and Fundamental Questions of European Tort Law (Finale), *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2018, vol. 18, no. 1, pp. 189-267. (In Russ.).

Kuttner S. *Kanonistische Schuldlehre von Gratian bis auf die Dekretalen Gregors IX. Systematisch auf Grund der handschriftlichen Quellen dargestellt* [Canonical Doctrine of Guilt from Gratian to the Decretals of Gregory IX: Systematically Presented on the Basis of Manuscript Sources], Vatican, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1935, 429 p. (In German).

Li Zh. *The Principle of Fault in Tort Obligations in the Tradition of the Continental Legal Family (Comparative Legal Aspect)*, PhD thesis, Saint Petersburg, 2013, 166 p. (In Russ.).

MacCormack G. *Aquilian Studies, Studia et Documenta Historiae et Iuris*, 1975, vol. 41, pp. 1-78.

Marey A.V. *Obligations ex delicto in the "Siete Partidas" of Alfonso X the Wise (1252-1284)*, PhD thesis, Moscow, 2005, 219 p. (In Russ.).

Markelova A.A. The Ratio of Guilt and Wrongfulness in Delicts of a State, A.V. Egorov, A.A. Novitskaya (eds.) *Contracts and Obligations*, Moscow, Issledovatel'skij centr chastnogo prava imeni S.S. Alekseeva pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 2018, vol. 2, pp. 99-147. (In Russ.).

Markesinis B., Unberath H. *The German Law of Torts. A Comparative Treatise*, Oxford & Portland, Hart Publishing, 2002, 1050 p.

Matveev G.K. *Fault in the Soviet Civil Law*, Kiev, Izdatel'stvo Kievskogo universiteta, 1955, 308 p. (In Russ.).

Matveev G.K. *Grounds for Civil Liability*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1970, 312 p. (In Russ.).

Osborne T.M. *Human Action in Thomas Aquinas, John Duns Scotus and William of Ockham*, Washington, The Catholic University of America Press, 2014, 288 p.

Parisi F., Pi D., Luppi B., Fargnoli I. Deterrence of Wrongdoing in Ancient Law, *Roman Law and Economics. Vol. 2: Exchange, Ownership, and Disputes*, Oxford, Oxford University Press, 2020, pp. 347-378.

Paschalidis P. What Did Iniuria in the Lex Aquilia Actually Mean? *Revue Internationale des Droits de l'Antiquite*, 2008, vol. 55, pp. 321-363.

Pernice A. *Zur Lehre von den Sachbeschädigungen nach römischem Rechte* [The Doctrine of Property Damage in Roman Law], Weimar, H. Böhlau, 1867, 265 p. (In German).

Pokrovsky I.A. *History of Roman Law*, Saint Petersburg, Letnij sad, 1998, 560 p. (In Russ.).

Prodi P. *History of Justice: From the Pluralism of Forums to the Modern Dualism between Conscience and Law*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2017, 509 p. (In Russ.).

Rodger A. What Did Damnum Iniuria Actually Mean? *Mapping the Law. Essays in Memory of Peter Birks*, Oxford, Oxford University Press, 2006, pp. 421-438.

Sampson J. *The Historical Foundations of Grotius' Analysis of Delict*, Leiden, Brill, 2018, 258 p.

Sampson J. The Place of Fault in Grotius's Conception of Liability for Wrongdoing, *Grotiana*, 2021, vol. 42, no. 1, pp. 53-68. DOI 10.1163/18760759-42010004

Schipani S. *Responsabilità 'ex lege Aquilia': criteri di imputazione e problema della 'culpa'* [Responsibility 'ex lege Aquilia': Criteria for Imputation and the Problem of 'Culpa'], Turin, G. Giappichelli, 1969, 506 p. (In Italian).

Shepel T.V. Fault in Civil Law: Legislation and Civil Doctrine, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law], 2014, vol. 10, no. 2, pp. 50-55. (In Russ.).

Stepanov S.K. 2021. Modern Theories of Wrongfulness: The Swiss Approach, *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], vol. 21, no. 1, pp. 219-253. (In Russ.). DOI 10.24031/1992-2043-2021-21-1-219-253

Tebriaev A.A. 2002. Fault of the Tortfeasor in Tort Obligations, *Yurist* [Jurist], no. 3, pp. 27-31. (In Russ.).

Tretyakov S.V. *Development of the Doctrine of Subjective Private Law in Foreign Civil Law*, D.Sc. thesis, Moscow, 2022, 495 p. (In Russ.).

Tretyakov S.V. On the Problem of Using Historical Argumentation in Civil Dogmatics, K.A. Nevolin *Istorija Rossijskikh grazhdanskikh zakonov. Chast' pervaja: Vvedenie i kniga pervaja o sojuzah semejstvennyh* [The History of Russian Civil Law. Part 1: Introduction and the First Book on Family Unions], Moscow, Statut, 2005, pp. 22-43. (In Russ.).

Tretyakov S.V. Subjective Rights Theory and the Conceptual Jurisprudence: The Rise and Fall of the Pandectist Variant of the Will Theory, *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2020, vol. 20, no. 3, pp. 9-42. (In Russ.). DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-3-9-42

Wieacker F. *Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung* [Modern History of Private Law: With Special Consideration of German Development], Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1996, 659 p. (In German).

Yablochkov T.M. *The Concept of Fault in Roman Law (Features of Individualism in the Teachings of Roman Jurists about Fault)*, Moscow, Pravovedenie, 1907, 56 p. (In Russ.).

Zimmermann R. *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition*, Cape Town, Juta and Company, 1992, 1241 p.

Zinovieva O.A. *Self-defense of Civil Rights in Russian Legislation*, PhD thesis, Rostov-on-Don, 2006, 166 p. (In Russ.).

Zweigert K., Kötz H. *Comparative Private Law: in 2 vols*, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2010, 726 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семен Константинович Степанов

кандидат юридических наук, доцент департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший преподаватель кафедры управления активами Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, г. Москва, Россия; ORCID: 0000-0003-0948-0234; SPIN-код: 9288-4184; E-mail: s.stepanov@inno.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Semyon K. Stepanov

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Private Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University); Senior Lecturer, Department of Asset Management, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia; ORCID: 0000-0003-0948-0234; SPIN-code: 9288-4184; E-mail: s.stepanov@inno.mgimo.ru